

3. **Handbook of Moral** and Character Education / ed by L. Nucci, D. Narvaez. – N. Y. : Routledge, 2008. – 640 p.
4. **Wringe C.** Moral Education: Beyond the Teaching of Right and Wrong. – Dordrecht : Springer, 2006. – 196 p.
5. **Горбунова Е. М.** Дюркгейм и современное образование // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2. – № 4. – С. 65–71.
6. **Смирнова Е. Э.** Социология образования. – СПб. : Интерсоцис. – 2006. – 192 с.
7. **Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда. Метод социологии. – М. : Наука. – 1991. – 576 с.
8. **Watts Miller W.** Durkheim, Morals and Modernity. – L. : Psychology Press, 2002. – 296 p.
9. **Bellah R.** Introduction // Emile Durkheim on Morality and Society. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1973. – P. ix–xlxiii.
10. **Дюркгейм Э.** Самоубийство: Социологический этюд. – М. : Мысль, 1994. – 399 с.
11. **Durkheim E.** Moral Education: A Study in the Theory and Application of the Sociology of Education. – N. Y. : The Free Press. – 1961. – 287 p.
12. **Durkheim** and Modern Education / ed by W. S. F. Pickering, G. Walford. – L. : Routledge. – 2002. – 248 p.
13. **Kolberg L.** The Moral Atmosphere of the School // Moral Education... It Comes with the Territory / ed by D. Purpel, K. Ryan. – Berkeley, CA : McCutchan, 1976. – P. 192–210.
14. **Kohlberg L.** The Philosophy of Moral Development: Moral Stages and the Idea of Justice». – Harper & Row, 1981. – 441 p.
15. **Turner S.** Kolberg's critique of Durkheim's Moral Education // Durkheim and Modern Education. – L. : Routledge, 2002. – P. 42–54.
16. **Fish J.** Defending the Durkheimian Tradition: Religion, Emotion, and Morality. – Aldershot : Ashgate Publishing, Ltd. – 2005. – 207 p.
17. **Cladis M.** Beyond solidarity? Durkheim and twenty-first century democracy in a global age // The Cambridge Companion to Durkheim / ed by J. Alexander, P. Smith. – Cambridge : Cambridge Univ. Press., 2005. – P. 383–409.

Принята редакцией: 11.09.2013

УДК 13 + 316.3/.4 + 811.161.1

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК: НОРМАТИВНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Ю. Е. Фигуровская (Новосибирск)

Грамотность населения является государственной проблемой, снижение грамотности среди носителей современного русского языка свидетельствует о снижении уровня культуры общества в целом и падении уровня национального самосознания, что, в конечном счете, приводит к исчезновению национальной самоидентификации.

Ключевые слова: языковая политика, государственный и национальный язык; языковая норма; национальная идентичность; социальные факторы развития языка; престиж языка.

© Фигуровская Ю. Е., 2013

Фигуровская Юлия Евгеньевна – докторант, Институт философии и права СО РАН.

E-mail: juberry45@yandex.ru

**THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE:
NORMALIZATION AND SOCIAL CONTEXTS**

Yu. E. Figurovskaya (Novosibirsk)

The level of people's literacy is a problem of state importance. The decline of literacy among the speakers of the modern Russian language bears witness to the decline of culture and society in general and the decrease of the level of national consciousness, which ultimately leads to disappearance of national identity and failing of the state in some basic conditions and responsibilities of a sovereign government.

Key words: *language policy, state and national language, social factors of language development, prestige of language, national identity.*

Языковая политика государства является в основе своей национальной политикой. Неслучайно все бывшие республики СССР, оторвавшись от империи, первым делом, стремясь обозначить национальное единство, перевели свои национальные языки в статус государственных, и в этих странах гражданин не может претендовать на официальное трудоустройство, если он не сдаст квалификационный экзамен по национальному языку. Другое дело – на пространстве России. В субъектах федерации зачастую сосуществуют два языка: национальный и государственный, то есть русский. Однако это касается только национальных округов, республик в составе федерации. А той части территории, которая населена преимущественно носителями русского языка, это не касается. Однако носители государственного языка вряд ли могут похвастаться его знанием: и на Интернет-сайтах, предназначенных для массового посещения, и на страницах СМИ и книг, и в рекламе, и в устной речи сограждан заметны нарушения норм русского языка. Бесполезно перечислять самые распространенные стилистические, грамматические и пунктуационные ошибки, но вывод можно сделать один: правила родного языка очень плохо известны его носителям. Знание и соблюдение правил орфографии, пунктуации и стилистики – это признак грамотности, то есть владения литературным национальным языком.

Литературный язык, по мнению В. И. Беликова и Л. П. Крысина, обладает рядом свойств:

1) это кодифицированная подсистема: она характеризуется более или менее устойчивой нормой, единой и общеобязательной для всех говорящих на литературном языке, и эта норма целенаправленно культивируется;

2) это полифункциональная подсистема: она пригодна для использования в разнообразных сферах человеческой деятельности. В соответствии с многообразными сферами использования и различными функциями, которые он выполняет, литературный язык делится на разновидности (книжную и разговорную) и функциональные стили (научный, официально-деловой, публицистический, религиозно-проповеднический);

3) литературный язык социально престижен: будучи компонентом культуры, он представляет собой такую коммуникативную подсистему национального языка, на которую ориентируются все говорящие [1].

Владение литературным языком свидетельствует о степени уважения носителей к национальному языку; является своеобразным мерилем грамотности населения и отражением в сознании каждого носителя чувства национальной самоидентификации. Фердинанд де Соссюр (1857–1913) писал, что обычаи нации отражаются в ее языке и в значительной мере именно язык формирует нацию. Есть язык – есть народ, нет языка – нет народа (цит. по Ф. М. Березину [2]). «Весь опыт мировой истории свидетельствует о том, что разрушение цивилизации и культуры, исчезновение с лица Земли народов и государств всегда начинается с утраты языка, с отказа от языковой самостоятельности, с капитуляции перед лингвистической экспансией. С утратой языка народ перестает осознавать свою самобытность, свою культуру, свою идентичность», – отмечает Ф. М. Березин [2].

Сегодняшняя ситуация в России свидетельствует о том, что приоритетным для так называемого образованного человека становится не его родной язык, а компьютерная грамотность, освоение иностранных языков и желание блеснуть иностранной терминологией, употребленной по поводу и без повода. Но безупречным владением русским языком, как отмечает сейчас большинство современных лингвистов, может похвастаться лишь меньшая часть населения. Наглядным примером уровня знания родного языка являются результаты тотального диктанта. Участие в таком диктанте является совершенно добровольным; следовательно, люди, решившиеся на проверку своей грамотности таким способом, изначально стремятся к тому, чтобы объективно оценить знание родного языка на уровне письменном. Вот как звучат отзывы организаторов данного мероприятия:

1) количество желающих принять участие увеличивается ежегодно – и за счет носителей, живущих в России, и за счет носителей, живущих за рубежом. Так, в 2013 г. в акции по проверке грамотности приняли участие 32 280 человек, в том числе 2 564 – за рубежом; его писали в 180 городах, из которых 130 расположены в России, а 50 – за границей. Тотальный диктант писали на всех шести континентах, в том числе – в Антарктиде;

2) результаты, несмотря на возрастающую популярность этого международного мероприятия, из года в год остаются на одном уровне: 1 % – «пятерки», 60 % – «двойки»; оставшиеся 39 % делятся между «тройками» и «четверками» примерно поровну;

3) финансирования проекта так и не ведется – ни со стороны государства, ни со стороны частных спонсоров; государство, таким образом, демонстрирует полное равнодушие к столь важному мероприятию .

Итак, 60 % оценок – это «двойки»; и это нельзя считать репрезентативным показателем из-за полной добровольности участия в этом диктанте. Если бы участие в написании диктанта принимали не только добровольно согласившиеся на это испытание, то результаты, по-видимому, были бы куда более плачевными.

Причины такой безграмотности следует искать среди социальных факторов:

1) изменились экономические, государственные и социальные условия российского общества;

2) изменились культурные приоритеты общества;

- 3) изменились информационные каналы общества;
- 4) упал уровень преподавания русского языка, и снизились требования, предъявляемые к тем, кто русский язык изучает;
- 5) обесценилось понятие грамотного человека;
- 6) изменился половозрастной состав носителей языка.

Одним из первых на связь экстралингвистических факторов и очевидных сдвигов в языке обратил внимание Е. Д. Поливанов. Наблюдая за сдвигами в русском языке, произошедшими в первые годы советской власти, он отмечал важность экстралингвистических факторов для изменений в языке. Но при этом он настаивал на том, что языковая традиция является одной из внешних форм культуры общества в целом [3]. Социальные факторы, по Е. Д. Поливанову, оказывают самое непосредственное влияние на лексику и фразеологию. Накапливаясь, эти количественные изменения в дальнейшем приводят и к качественным сдвигам: сначала в лексико-семантической системе русского языка, а затем и в грамматической структуре языка [3].

Язык не может не изменяться. Однако постоянное нарушение норм, снижение престижности русской литературной письменной и устной речи является опасной социальной тенденцией. Углубление подобной тенденции приводит к утере таких понятий, как престиж национального языка, а в перспективе – к утрате национальной самоидентификации. Перемена языковых норм, по мнению уже процитированных авторов В. И. Беликова и Л. П. Крысина, – явление естественное. Трудно представить себе общество, в котором менялись бы социальный уклад, обычаи, отношения между людьми, развивались наука и культура, а язык на протяжении столетий оставался бы неизменным. Норма меняется вместе с развитием самого языка, но, поскольку она стоит на страже целостности и общепонятности литературного языка, то консервативность – ее основное свойство [1]. В. И. Беликов и Л. П. Крысин перечисляют социальные факторы, влияющие на языковую эволюцию: изменение круга носителей языка; распространение просвещения; территориальные перемещения людей (миграция); создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка; развитие науки; крупные технические новшества и изобретения [1].

Авторы 4-х томного сборника «Русский язык и советское общество» (под ред. М. В. Панова) излагают концепцию, согласно которой особую роль в развитии языка играют противоречия (в сборнике – антиномии): постоянно действующие, противоположные друг другу тенденции, борьба которых является движущим стимулом языкового развития. Это противоречия говорящего и слушающего, системы и нормы, кода и текста, регулярности и экспрессивности. Противоречие системы и нормы заключается в следующем: система «позволяет» все, что соответствует законам данного языка, а норма отбирает, фильтрует то, что разрешается системой, и допускает к употреблению далеко не все из того, что «позволено» системными возможностями языка [4]. Характерная для современной русской морфологии экспансия флексии *-а* (*-я*) в именительном падеже множественного числа на все более широкий круг существительных мужского рода (*цеха, слесаря, сектора, директора, инспектора*

и т. п.) – пример разрешения конфликта между системой и нормой в пользу системы. Однако в случае с режущими слух словами *ложит* и *жгёт*, а также с независимым деепричастным оборотом норма всячески препятствует проникновению этих просторечных вариантов в корпус литературного языка. Противоположный пример – структурные изменения в языке, связанные с почти полной утратой парадигмы склонения числительных. Информационность при этом не страдает (само количественное значение обозначается цифрами), а вот грамматический сдвиг явно наличествует: русский язык, таким образом, теряет свою основную структурную черту – синтетический способ выражения грамматического значения.

Небрежное изложение собственного текста, проверенного не человеком, а компьютерной программой, – наглядный пример того, как искажается современный русский литературный язык под воздействием нового информационного канала. Известно, что компьютер не отслеживает ошибки, связанные с большинством правил (норм) русского языка: он «знает» спряжение глаголов, но «не знает» склонения существительных, числительных и т. д.; «не знает» правил управления (например, ему все равно, как написано: *согласно документам* или *согласно документов*). Компьютер «не знает» правил русской пунктуации и пропускает запятую, которая должна быть в конце причастного оборота; допускает пунктуацию при однородных членах русского предложения такую же, как в английском. Это всего лишь означает, что до полного приспособления компьютерных программ к нуждам русского языка руки и умы современных программистов не дошли. А это делать необходимо, потому что при общем уровне падения грамотности всеобщая компьютеризация населения ведет к необратимым последствиям.

Однако многочисленные ошибки, являющиеся нарушением норм литературного языка как в устной, так и в письменной форме, приводят к утрате уважения к национальному языку и появлению ряда негативных тенденций, которые сами по себе могут стать разрушительными для литературного языка социальными факторами: культурная нация не может быть безграмотной. Тенденция к искажению норм языка приводит к его деформации и редукции – сначала на уровне нормированности, затем – на коммуникационном уровне; следующим шагом является утрата уважения к национальному языку и падение его престижа. Согласно определению, приведенному в «Словаре лингвистических терминов», под престижем языка понимается «социопсихологическая оценка языка, владение которым формально или неформально соотносится с высоким статусом индивида или группы... Престиж языка играет ключевую роль в деле сохранения лингвистического своеобразия» языкового сообщества [5].

Проблема безграмотности лежит в социокультурном и экстралингвистическом пространстве. Обозначим некоторые причины сложившейся ситуации.

1. *Государство мало заботится об уровне знания государственного языка.* Так, в последнем, принятом в 2005 г. Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации», русский язык определен в качестве государственного языка, чем установлена правовая основа

его использования. В данном документе определены государственные гарантии поддержки и защиты государственного языка в различных сферах нашей жизни, что, по мнению законодателей, должно содействовать сохранению самобытности, богатства и чистоты русского языка как общего культурного достояния народов России, а также его распространению как одного из ведущих языков мира [6]. Однако Закон не определяет никакой ответственности за грубое нарушение норм современного русского языка как государственного. В действующем законодательстве юридическая ответственность предусмотрена лишь за нецензурную брань в общественных местах, а также за унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в оскорбительной форме. Здесь же порицается употребление иноязычных слов, имеющих аналоги в современном русском литературном языке.

Самым показательным примером заботы государства о национальном языке является законодательство Франции. Там в 1975 г. был принят «Закон об употреблении французского языка», а затем в 1994 г. – «Новый закон об употреблении французского языка», известный под названием «Закон Тубона» по имени его автора. Этот закон устанавливает обязательность употребления французского языка во многих сферах жизни, особенно в тех сферах (средства массовой информации, документация), где он может испытывать конкуренцию с другими языками. Речь, конечно, в первую очередь идет о главном конкуренте – об английском языке. «Закон Тубона» предусматривает жесткие санкции (в том числе денежные штрафы) в случае его нарушения. При Правительстве Франции существует «Высший совет по французскому языку», который занят укреплением позиций французского языка на государственном уровне. Государство, заботящееся о соблюдении норм национального и – одновременно – государственного языка, достойно уважения. К сожалению, ситуация в Отечестве далека от идеальной.

2. Падение статуса русского языка как средства межнационального и международного общения. По мнению нашего современника, доктора филологических наук, профессора Л. П. Крысина, «...в настоящее время в большинстве стран СНГ русский язык имеет тенденцию утраты доминирующего средства общения. Коренным образом меняются условия существования русского языка в ближнем зарубежье. Из языка преимущественного он стал языком национального меньшинства, для которого характерны:

- 1) преимущественное использование в семейных ситуациях;
- 2) функциональная вторичность в социально значимых сферах – делопроизводстве, законодательстве, средствах массовой информации, образовании и некоторых других;
- 3) более низкий социальный престиж (и дальнейшее его понижение) по сравнению с языком титульной нации или с мировыми языками типа английского. Это означает, что русский язык становится коммуникативно ущербным: он используется не во всем объеме своих лексических, синтаксических, стилистических и иных средств» [7].

Ф. М. Березин приводит такие факты: «Значительно сокращается и количество часов, отводимых в средней и высшей школе на изучение русского языка как неродного. Во многих школах русский язык вообще

исключен из учебных планов как предмет преподавания. В некоторых республиках основным местом изучения русского языка становится базар – с его грамматикой, лексикой и образными выражениями, стереотипными речевыми ресурсами, удовлетворяющими самые примитивные коммуникативные потребности. В русском языке как средстве межнационального общения все большие обороты набирают процессы пиджинизации, что ведет к снижению его статуса» [2].

3. *Низкий уровень преподавания русского языка как родного.*

1) неэффективная политика государства в сфере образования: уменьшение учебных часов в школах и вузах для изучения русского языка, литературы, истории и культуры;

2) низкие требования к выпускникам средних школ. Пресловутый ЕГЭ по русскому языку наносит лишь вред, потому что тестовые испытания можно считать подходящими лишь для промежуточного, а никак не для итогового контроля знаний. Весьма красноречивым примером служат факты, приводимые преподавателем факультета журналистики МГУ: «Установочные диктанты для выявления уровня знаний первокурсников мы пишем каждый год. Обычно с ними не справляются 3–4 человека. Но результаты приема 2012 года оказались чудовищными. Из 229 первокурсников на страницу текста сделали 8 и меньше ошибок лишь 18 %. Остальные 82 %, включая 15 стобалльников ЕГЭ, сделали в среднем по 24–25 ошибок. Практически в каждом слове по 3–4 ошибки, искажающие его смысл до неузнаваемости».

Низкий уровень грамотности носителей современного русского языка как родного свидетельствует о следующих негативных социальных тенденциях:

1) общий уровень образования общества низкий. Результаты тестирования по международному стандарту PISA (Programme for International Student Assessment) – главному индикатору уровня образования в мире – демонстрируют печальную тенденцию: если в 2000 г. наша страна была на 27-м месте, то в 2009-м оказалась уже на 41-м;

2) грамотность, то есть владение национальным (а в нашем случае – и государственным) языком, в настоящее время имеет тенденцию к снижению. Неграмотность носителей языка должна рассматриваться как проблема общегосударственная и общенациональная, и, соответственно, за грубое нарушение языковых норм в местах публичного доступа – в СМИ, на страницах издающихся книг, в учебниках, в рекламных текстах, в устных выступлениях – должна быть определена мера ответственности. Падение грамотности отражает падение уровня культуры общества в целом, падение престижа языка и падение уровня национального самосознания, что, в конечном счете, приводит к исчезновению национальной самоидентификации.

Носители современного русского языка обязаны заботиться о родном языке, поскольку это необходимое условие усвоения национального культурного наследия и передачи знаний следующим поколениям. В свою очередь, культурная идентичность связана с престижем языка и национальной идентичностью, а значит, забота о грамотности – это государственная задача.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беликов В. И., Крысин Л. П.** Социоллингвистика. – М. : Изд. Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001. – 315 с.
2. **Березин Ф. М.** Место и роль русского языка в постсоветской России // Теория и практика общественно-научной информации : сб. – 1997. – Вып. 13. – С. 24–28.
3. **Поливанов Е. Д.** За марксистское языкознание // Сборник популярных лингвистических статей. – М. : ФЕДЕРАЦИЯ, 1931. – 183 с.
4. **Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование** / под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – Кн. 1–4. – 367 с.
7. **Крысин Л. П.** Русский язык как язык национального меньшинства // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М. : 1994. – С. 121–126.
5. **Кожемякина В. А., Колесник Н. Г., Крючкова Т. Б.** Словарь социоллингвистических терминов. – М. : ИЯ РАН, 2006. – 312 с.
6. **Федеральный закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».** – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html>.

Принята редакцией: 11.09.2013

УДК 327 + 339

**СТРАТЕГИЯ SOFT POWER В ДИСКУРСИВНОМ
КОМПЛЕКСЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ШОС***

О. Ф. Русакова, В. М. Русаков (Екатеринбург)

В статье рассматриваются основные интерпретации и стратегии soft power в современных международных отношениях в рамках ШОС. Согласно представленной гипотезе дискурс soft power выступает важным инструментом политического влияния. На основании дискурс-анализа документов ШОС выявляются ключевые идеи стратегии «мягкой силы» стран-участниц Шанхайского соглашения. Согласно авторам, к структурным компонентам soft power относятся: экономическая привлекательность, человеческий капитал страны, культурный капитал, дипломатические, политические и медийные ресурсы и др. Значительное внимание уделяется китайской национальной модели soft power.

Ключевые слова: мягкая сила, жесткая сила, ШОС, международные отношения, дискурс, дискурс-анализ, китайская модель soft power.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-13-66001 а(р) и проектов партнерских фундаментальных исследований СО РАН № 26(2012-2014) «Новые парадигмы социального знания».

© Русакова О. Ф., Русаков В. М., 2013

Русакова Ольга Фредовна – доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии и права, Уральское отделение РАН.

E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, Институт международных связей.

E-mail: dipi@nm.ru